ФЕВРАЛЬ 1928 № 5 ЦЕНА 15 КОП.

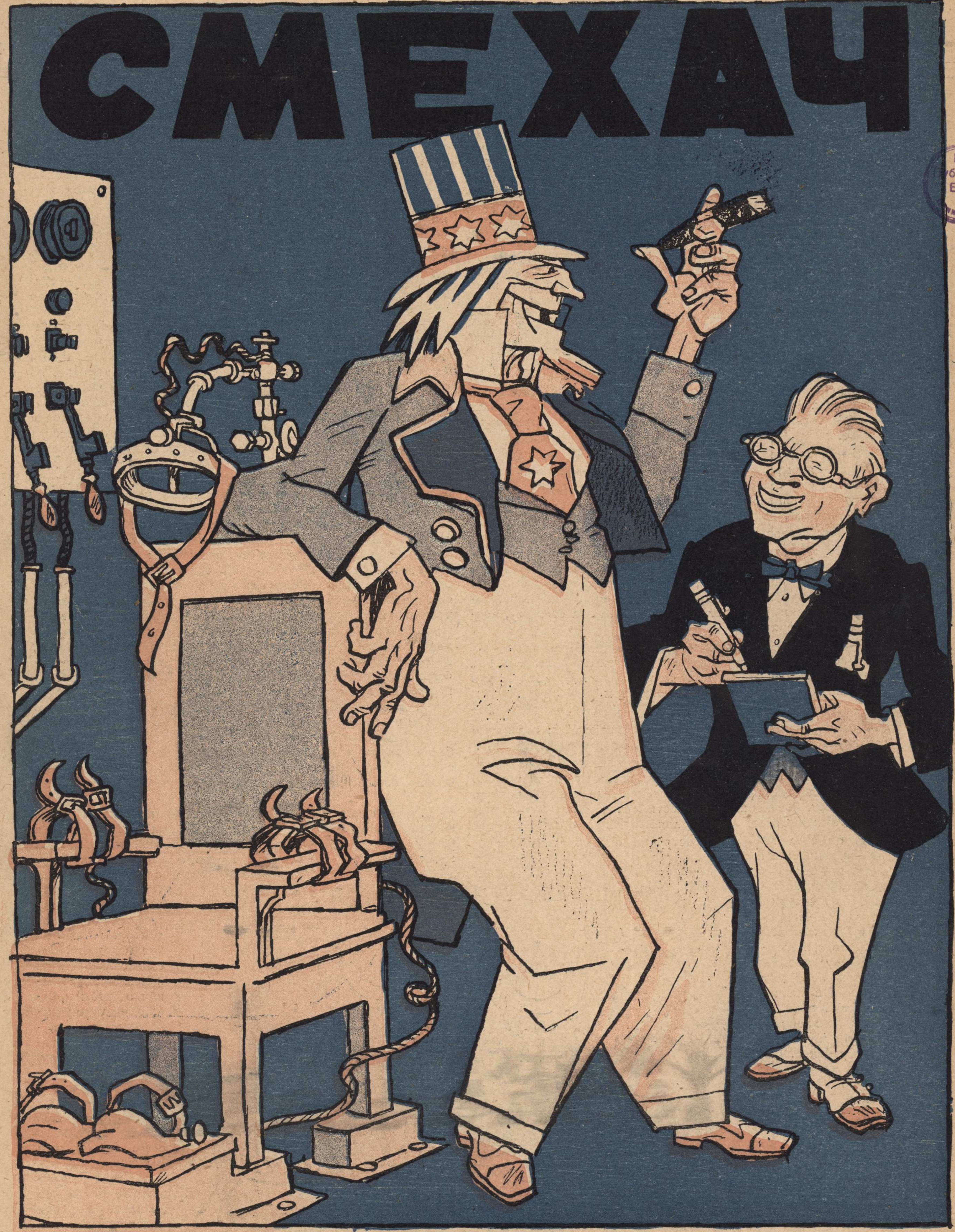

Рис. Ив. Малютина

ГОРЬКАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Американским инженером Лейптоном сконструирован новый электрический стул для казни.

— Вот видите, — мы уже перешли к чисто-мебельному производству, а нас еще упрекают в том, что якобы мы строим только военные корабли...

ТЯНУЧКИ

Вы меня вызывали?

— Да, я вас вызывал. Потрудитесь, пожалуйста, плотнее закрыть дверь.

Начало не сулило ничего хорошего. Закрывая дверь и теряясь в догадках о причине, вызвавшей очевидное недовольство товарища, ведавшего просвещением в районе, учительница Воронкова почувствовала, как часто и тревожно забилось у нее сердце и выступила горячая краска на лице. Она не знала за собой никакой вины, но испытала вдруг такое ощущение, как будто сделала что то очень дурное и недостойное и теперь поймана в этом и должна отвечать за свои поступки. Она служила в Ленкорани недавно, но ревизующие и инспектирующие и надзирающие органы не раз имели уже случай отметить отличные качества ее работы, и в наробразе держались, как будто, о ней и о школе, в которой она работала, самого лучшего мнения; заведующий не раз, улыбаясь приятно и подчеркивая любезно, что рад видеть таких работников в рядах ленкоранских просвещенцев, говорил ей об этом и в глаза и за глаза. Тем более странны и неожиданны были теперь сухие, официальные нотки в его голосе и выражение подчеркнутой холодности на его лице. Растерянная, не понимая, что вдруг произошло, Воронкова остановилась выжидательно у его стола, опустив глаза и теребя вздрагивающими пальцами синий галстушек на блузке.

— Присядьте! — сухо сказал заведующий, не глядя ей в лицо: — я вынужден, к сожалению, указать вам на некоторые... гм, скажем, особенности вашего поведения, вызывающие ряд неприятных толков в дружной просвещенской семье. Вы понимаете, надеюсь, о чем я говорю?..

— Нет, уверяю вас.

Она изумленно взглянула на него, и сейчас же потупилась опять, встретив его сощуренный, испытующий взгляд, и покраснела еще больше, мучаясь и досадуя на себя, что краснеет неизвестно отчего и держится, как школьница, которую вызвали в учительскую пожурить за стрекозу, приклеенную на спину географу.

— Странно,— сказал заведующий и стал барабанить пальцами по столу: — очень странно. Все знают, а вы нет. Ну, что ж, вы вынуждаете меня говорить прямо. До меня дошли сведения, что вы занимаетесь развратом.

— Как вы... позволяете себе?!

Голос у нее стал хриплый и прерывающийся; она прямо взглянула на него блестящими от слез и обиды глазами, и у нее задрожали губы и подбородок.

— Мы не в салоне. Впрочем, извиняюсь, если угодно. До меня дошли проверенные сведения о вашем... легком, скажем так, поведении, несовместимом, к сожалению, с обязанностями, которые вы выполняете. Изволите видеть...

И он стал говорить пространно о необходимости внедрения этических и нравственных норм в современном школьном юношестве, и о роли, которая отведена педагогам в этой высокой и святой, как он сказал, работе, и о личных моральных качествах людей, от которых зависит вложить любое содержание в неискушенную и чистую душу ребенка. Говорил он долго, любуясь, видимо, втайне, неотразимой логично тью своей речи,и привел три цитаты из Плеханова о влиянии среды на личность; она слушала рассеянно, не в силах справиться с чувством стыда и обиды и возмущения, которые ее охватили, — и не поняла цитат и не оценила красноречия, которым он сам любовался. То, что он сказал, что она по своим моральным качествам не может быть на святой учительской работе и общаться с детьми и оставаться дальше в семье ленкоранских просвещенцев — в первую минуту подавило и уничтожило ее, и вызвало в ней, как в человеке, которого вывели с ярлыком вора на улицу, непреодолимое желание провалиться сквозь землю, или бежать, обеими руками закрыв от взоров окружающих свое лицо, но она сейчас же подумала, что ничего не сделала, ведь, на самом деле, что произошла очевидная ошибка и, взяв себя в руки, и успокоившись, надо потребовать об'яснений и фактов и сейчас же выяснить эту ошибку.

— Есть вещи, которых справкой домкома или выпиской из протокола подтвердить нельзя, вы это понимаете — сказал заведующий.— Основное состоит в том, что вы не по средствам живете. Вы одеты...

Он остановился и с ног до головы оглядел ее, ее отглаженную блузку, и синий галстук в звездочку, ее короткую, модную юбку и серые чулки и туфли с узкими перепонками на ногах. Она была одета скорее опрятно, чем нарядно, но с тем неуловимым и милым кокетством, с каким часто одеваются, бессознательно желая понравиться, девушки в двадцать лет; во многом отказывая себе и искусно перекраивая и планируя свой скудный грошевый бюджет, она всегда одевалась так, искренне удивляясь людям ее достатка, носившим неуклюжие, вздувавшиеся на локтях кофты из бязи, и ей никогда не приходило в голову, что она поступает дурно или неприлично, или может этим уязвить чью-нибудь нравственность. Но она инстинктивно, когда он сказал это и оглядел ее, обтянула, вспыхнув опять, юбку на коленях и подобрала ноги под стул.

— Вот видите, — сказал он, усмехаясь: — вы сами чувствуете... Помимо „Учительской газеты“ вы выписали на текущее полугодие также „Библиотеку иностранных романов“; простите, но сознательный человек всегда ей предпочтет вестник школьной методики... По субботам вас неизменно видать в кино в обществе каких то молодых людей; мало того, вы всегда едите еще при этом фруктовые тянучки, которые стоят сорок копеек коробка. И так далее. Я сопоставляю, я синтезирую. Когда женщина живет шире, чем ей позволяют средства, это... что это значит?

— Это цинизм, гадость! — сказала Воронкова и заплакала.

Он густо покраснел.

— Как вам будет угодно. Я вижу, вдобавок, что ошибался рассчитывая встретить чисто сердечное раскаяние с вашей стороны. Вынужден поставить вас в известность, что вы больше не служите в школе.

...Трое суток Воронкова безвыходно провела в своей комнатушке на окраине, не показываясь ни в школу, ни на улицу, и не решаясь даже поднять занавески на окнах. Ей представлялось, что все знают уже о ее позоре и будут с брезгливым любопытством смотреть ей вслед и шептаться за ее спиной и показывать на нее пальцами; она с'еживалась вся при одном представлении об этом и, закрывши лицо руками, поспешно ложилась, пряча голову в подушку, на кровать.

Все эти три дня она напряженно думала и старалась понять и об'яснить себе самой, что произошло; но чем больше она думала, тем очевиднее делалась для нее чудовищная нелепость рожденных сплетнями обвине-

МЕХАНИЗАЦИЯ РЕСТОРАНА

Рис. Б. М.

Особый вид конвейера, наиболее охотно принятый фабрикантами в зап. Европе.

ний и невозможность примириться с выводами из этих обвинений, перевернувшими вдруг вверх дном ее жизнь.

Придя в себя и успокоившись немножко, она написала заявление в наробраз, — она не отрицала обстоятельств, инкриминируемых ей, как признаки ее морального падения.

Да, она выписала на текущее полугодие „Библиотеку романов"! Да, она носит галстух в звездочку и туфли с перепонкой и капор с помпоном на макушке. Да, она ходила в кино по субботам и ела фруктовые тянучки из коробочки, и не видит преступления в том, что ее сопровождали молодые люди из числа ее знакомых в Ленкорани!

Где сказано, что советским учительницам воспрещено знакомство с членами профсоюзов другого пола? Какими статьями уголовного кодекса предусмотрена и карается покупка фруктовых тянучек в коробках?

Кем и почему признаны предосудительными туфли с перепонками и сочтены, напротив, идеологически выдержанными туфли без оных?

Она не видит ни моральных, ни этических, ни уголовных нарушений в своих поступках; она готова в любом месте, при любых экспертах и судьях дать исчерпывающие об'яснения и представить в доказательство того, что тянучки покупались на трудовые деньги, точную схему своего месячного бюджета. Она отказывается понять и считает явным недоразумением факт увольнения работника, не получившего за два года службы ни одного замечания, за то, что он ел сливочные тянучки в кино... Через несколько дней ее вызвали в профсоюз.

Председатель комиссии, в которой разбиралось ее дело, держался загадочно; он все усмехался чему то, писал какие то иероглифы на полях ее заявления, перешептывался с членами, и тогда все начинали смотреть на ее галстух и на туфли с перепонками на ее ногах. Никаких новых обстоятельств комиссия не установила, и разговор вертелся попрежнему вокруг кино, тянучек и „Библиотеки романов".

Когда она, возмутившись наконец, сказала резко, что ее личная жизнь, и то, что она ест и какие носит блузки, никого не может касаться—председатель остановил ее, строго подняв палец в воздух:

— Товарищ, мы все находимся под контролем масс. Давайте лучше прямо: ели тянучки?

— Но...

— Нет, вы скажите: ели или нет?

— Ела.

— А каждую субботу в кино ходили с кавалерами?

— Ходила, но не с ка...

— „Библиотеку романов" выписали?

— Выписала.

— А скажите, все ли учительницы выписывают романы и едят тянучки в кинематографе?

— Не знаю. Я думаю...

— Думать не надо. Вот и об'ясните, почему другие не могут, а вы можете?

Об'яснить это было, конечно, трудно, но она пыталась об'яснить, и рассказывала, как живет, и пред'явила схему бюджета с точно выписанными копейками расхода на мыло, заливку галош и пуговицы для белья; схему приобщили к делу и суд удалился на совещание.

Ввиду ясности вопроса, оно было коротко, и решение вынесли через десять минут; имея ввиду романы, тянучки и туфли с перепонками, и принимая во внимание, что виновная не обнаружила признаков раскаяния, но продолжает с недостойным упорством настаивать на своей правоте— учительницу Воронкову постановлено было исключить из профсоюза, как разложившийся элемент.

— А вы думали как, товарищ?— строго и нравоучительно сказал председатель, когда она разрыдалась, опустившись на стул:— вы думали, что профессиональная организация сможет терпеть подобные явления в своей среде?!..

А. Зорич

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ РАДОСТЬ

Рис. Б. Ефимова

— Что-ж вы не радуетесь, генерал? Ведь мы изгнали из Китая почти всех русских.

—Да, но ведь остались — китайцы...

МЕЧТАТЕЛЬ

Над столиками прямо
В столовке диаграмма,
Процентных вычислений
Питательный елей:
— „Такой процент в обеде
Найдешь белковой снеди,
На столько углеводов
И столько-то солей".

* * *

В тарелке углеводы
Заводят хороводы,
Тихонько бродят соли,
Тоскуя по жирам...
Белки, компактным комом,
Пугают зубы сломом,
И липнут к ложке руки,
Сверх всяких диаграмм.

* * *

И скептик молвил прямо:
— Почто мне диаграмма..
С белков и углеводов
Хожу я, как кащей...
К белкам бы на заедку
Сожрать теперь котлетку
С поджаренной картошкой
И миской жирных щей!..

М. Андр.

КАРНАВАЛ НА ЛЬДУ

Рис. Б. Малаховского

— Эй ты, бедуин! Ты почему же это на милицию бросаешься? Одурел, что-ли?

— Да я-ж думал, что это Колька, переодетый милиционером. Карнавал ведь!

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Кругленький, сытенький, аккуратненький, он продуманно — проработанно уничтожал бутерброды: сначала с копченой, затем с сыром, потом с икоркой, наконец с паштетом и прихлебывал чай. Остальные в купэ стеснительно жевали что бог послал из домашних запасов.

Ехали мимо бесконечных пустырей и убогого кустарника.

Толстенький прижмурил глазки.

— Плохая сторона! Значит, Москва в недалекости... Эх, то-ли дело у нас, в Уфе... Вот сторонка!

— Да! — сказал сосед. — Это уж что говорить. Края благодатные.

— Именно. Вот барышня читает роман, а что в нем! Да разве какой писатель опишет так, как оно есть в натуре. Никогда!..

— Где ему! Натуру описать невозможно.

— Именно! Леса у нас! На сотни верст тянутся. Сосны, дуб, береза, сокорь, ель... чего только нет!.. Войдешь это в него, а на тебя дух! Тут тебе и клубника, и земляника, и дикая малина, и всякие папоротники... Неслыханная вещь!..

Барышня отложила роман и заслушалась.

— А осенью... Боже ты мой! Грибной дух!! Это, я вам скажу, — аромат ни с чем несравнимый. Плакать хочется о погибшей молодости, от умиления и беспричинной радости. Тут тебе белым грибом, там рыжиком, там груздем настоящим, нашим, уфимским, этта масленкой.

— Много грибов у вас?

— Боже мой! Грибов у нас — на три Европы хватит. И никто их почти и не собирает. Крестьянство, конечно, кадушками солит и в город продает, — но разве их можно все собрать. Их в сто лет не соберешь, что в одну осень уродится. И какие грибы. Ароматные, крепкие, острые... и для солки, и для маринада, и для сушки, и для отвара... Знаменитые грибы.

— Да! У нас в Москве грибки кусаются. Не раз'ешься.

— На то и Москва. У нас этих грибов хоть выбрасывай.

— Благодатная страна у нас... А у вас как, в Москве, — грибы?

— У нас дорого. У нас кило рублей 5 ходит, коли не больше.

— Это белые?

— Белые... сушеные, а соленые — рубля три, два с полтиной.

— Вишь ты! Да, не раз'ешься, действительно... А где у вас там главный грибной рынок? Большая ваша Москва!..

— Этого сказать я вам не могу. Я, извините, диакон, хотя и в штатском еду... Не могу сказать.

— Ну... найду... Укажут.

— А вам для чего же собственно?

— А мне грибков надо закупить... для нашего кооператива в Уфу... Меня командировали... Вот я и еду...

М. Бронный

ПАПА И ДЕТИ

Плохо иметь строгую маму, но еще хуже иметь папу, который во все вмешивается. „Тасс" сообщает:

Варшавские газеты передают слухи о том, что переговоры между Польшей и Литвой начнутся между 20 и 25 января в Риге, Ревеле или Риме „под протекторатом" папы римского.

Это уже не посаженный отец, как раньше бывало на мещанских свадьбах, а посаженный — да еще куда — прямо на голову...

ВЕЧНЫЙ МИР!!!

> Министр иностранных дел САСШ гр. Келлог выдвинул план заключения широкого международного договора о „вечном мире".
>
> *ТАСС.*

И как ласковый освежающий ветерок проносится иногда в пустыне, где нет воды, нет деревьев (До сих пор! Безобразие!), где оазисы такая же редкость, как масло в „молокосоюзах", и где дурацкий самум (такой малосознательный ветер) поднимает до неба и выше сухой песок,— так весть о „вечном мире" пронеслась по миру.

Единогласный (без единого воздержавшегося) крик вырвался из мировой, можно сказать, груди:

— Да будет вечный мир! Немедленно устроить вечный конгресс о заключении вечного мира. Немедленно все в Нью-Йорк к Келлогу.

Конгресс был созван быстро. С'ехались представители всех стран. Маленькие республики, у которых не оказалось денег на дорогу в Нью-Йорк (Латвия, Польша, Эстония и т. п.) получили по бесплатному проездному билету от самого Келлога.

Многие восхваляли этот добрый поступок Келлога, но оказалось потом нечто иное. Оказалось, что бесплатный билет на проезд обошелся маленьким республичатам весьма дорого. Об этом читатель узнает ниже.

Сунулась было на конгресс и Лига Наций, но Келлог со свойственной американцам деликатностью закричал:

— Куда, дуреха, прешь? Тут о деле говорят, а ты опять свою канитель заведешь. Мы на этот раз серьезно, без фальши. Одно слово: даешь вечный мир! И никаких.

„Дуреха" ушла. Все это сочли за хороший признак: никто, значит, не будет мешать делу мира...

* * *

После ухода Лиги Наций закрыли дверь на крючек, чтобы еще какая-нибудь дрянь не влезла, и стали обсуждать вопрос о вечном мире. Начал, конечно, Келлог, конечно, избранный в председатели.

— Господа! — сказал он: — Я читаю на ваших благородных лордовых, джентельменских и вообще высокоблагородных буржуазных лицах, что мое предложение о мире нашло благородный отклик в ваших благородных сердцах.

Речь его прерывают крики:

— Браво! Мы все за мир!

Келлог продолжает:

— Я это знал. Пусть же наступит, наконец, предсказанный в библии мир. Да возляжет волк с ягненком.

Чей-то бестактный голос вдруг прорезывает речь Келлога:

— Нынешним ягнятам тоже пальца в рот не клади: неровен час, слопает волка. К примеру, Франция по нынешним временам — волк, а Германия — как-бы в ягнятах...

На нарушителя тишины все начинают цикать. Он умолкает. Келлог говорит дальше:

— Остается нам приступить к технической части моего плана, т.-е. к проведению его в жизнь. Я полагаю, что строить надо прочно. „Вечный мир"! Вы понимаете? Нужно, чтобы здание стояло вечно. Пусть погибнет земной шар, но вечный мир на нем останется. Это по-американски. Но, благородные представители благородных стран, которым дело мира всегда было так дорого...

Келлог обвел зал властным взглядом.

— Прежде, чем строить, надо хорошо расчистить место, на котором собираешься строить. Лежит, скажем, незаметный камешек, а споткнешься о него и сломаешь ногу, которая в тысячу раз больше его. Такие маленькие камешки имеются и на том месте, где мы собираемся строить. Это дорогие сердцу каждого из нас, искренно нами любимые маленькие республики, представителям которых мы любезно выдали бесплатные билеты на проезд, доказав им этим нашу чистую и бескорыстную к ним любовь. Я полагаю, что эти славные милые республики должны быть нами проглочены.

— Браво! Ура! Гениально! — кричат большие державы.

— Потом нужно приступить к прочному фундаменту. Этот фундамент будет—предварительное заключение вечного мира между четырьмя наисильнейшими государствами: Америкой, Англией, Японией и Францией. Заключив этот вечный мир, мы сможем легко устроить вечный покой Германии, Италии, Дании, Швеции и т. д.

Раздаются единодушные аплодисменты трех представителей Англии, Франции и Японии.

— После фундамента надо возводить стены. Тут каждый камень должен быть отборный, здоровый, без единой трещинки. И мне кажется, что тут может выйти недоразумение относительно доброкачественности Франции. Давно кричат, что Франция хорошим здоровьем не отличается. Я думаю, что Америке, Англии и Японии придется раздробить Францию и превратить в мелкий щебень... Что же касается Японии, то материал бесспорно хорош, но, к сожалению, малоисследованный и неоднородный с нами. Конечно, мы и Англия справимся с ней быстро.

При наступившей тишине Келлог кончает:

— Америка с Англией, тоже, конечно, справится, и тогда наступит вечный мир без всяких даже договоров. Весь мир будет Америкой. Не станет же Америка драться с Америкой...

* * *

Конгресс так подавлен величием нарисованной Келлогом картины „вечного мира", что не находит слов для выражения своих чувств. Все молчат. Мертвую-премертвую тишину прерывает вдруг резкий, привыкший, очевидно, повелевать голос:

— Молодец, Келлог! Твое имя будет занесено на страницы истории. Но это будет после, теперь же я занесу твое имя на маленькую страничку вот этой чековой книжки... Возьми! Я доволен тобой.

— Морган! [1])—восклицает со смущенной радостью Келлог.

А в это время старуха Клио (несуществующая богиня существующей истории) также открывает новую страницу и пишет: „Вечный мир в 1928 г. начался, как и все великие события в Европе и Америке того периода, с чековой книжки великого Моргана..."

О. Л. Д'Ор

---

[1]) Знаменитый американский банкир-миллиардер.

НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАГАДКА

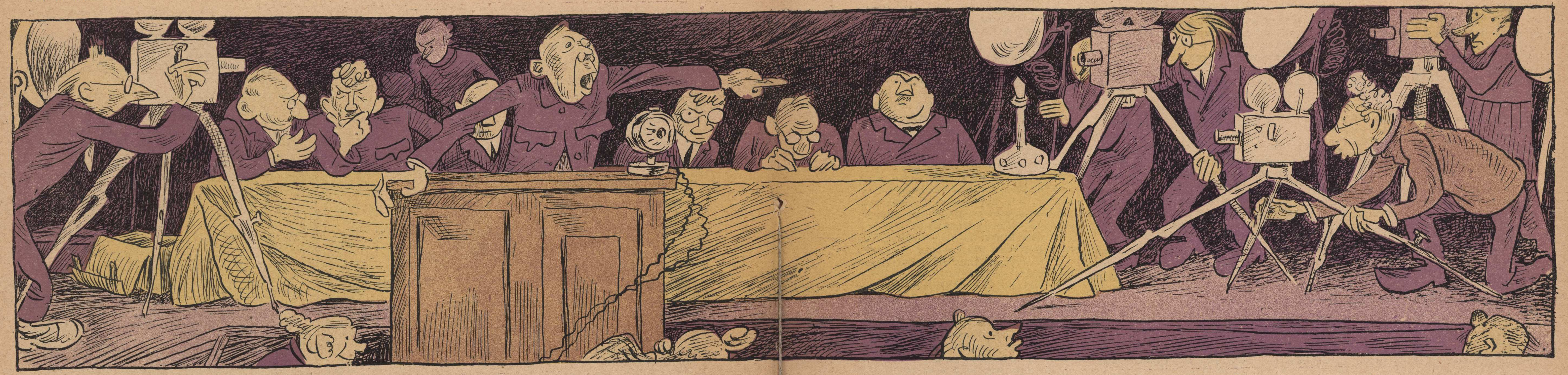
Рис. Н. Радлова

— Что за чертовщина! Целый час стою и никак не разберу, чья это нога — Кольки, Пантелея или Серафимы Марковны?

Рис. Б. Антоновского

ЯЗЫКОМ ВЕРТИТ КИНО-ОРАТОР, А РУЧКОЙ—КИНО-ОПЕРАТОР...

НА КИНО-КОНФЕРЕНЦИИ: —И вот, товарищи, я еще раз подчеркиваю, что наша кино-хроника занимается только с'емкой президиумов и заседаний, в то время как наше строительство и быт дают неизмеримое богатство тем...

БЮРО ОБСЛУЖИВАНИЯ „СМЕХАЧА“

№ 5 ФЕВРАЛЬ 1928 ГОДА № 5

К ЗАПРАШИВАЮЩИМ

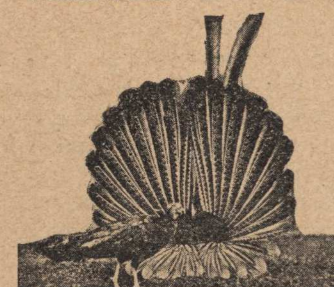
Редакция БОС'а не может не выразить изумления и считает себя вынужденной предупредить читателей, запрашивающих ее, что большинство вопросов к нашему сожалению не носит общественного характера, а является чисто личным и праздным любопытством.

К нам приходят запросы почти личного характера: стоит-ли Олечке ехать в Крым?, почему у Иван Семеновича до сих пор ангина? и т. д.

Вынужденные, во имя добросовестности, отвечать на все вопросы, мы задерживаем дорогое для нас внимание читателя чужими личными пустяками, в то время как в портфеле редакции лежат для опубликования определенно ценные рукописи, как „Бетонирование легких в целях эксплоатации“, „Уголь и его вокальные преимущества“ и т.п.

ВЗАИМОПОМОЩЬ СОВСЛУЖАЩИХ

Приводим моментальный снимок с павлиньего хвоста,

распускаемого некоторыми завами и предами при переходе в высшую категорию, или повышении спец-ставки.

Издали — очень красиво, вблизи — скучно.

СПРАШИВАЙТЕ!!!

Спрашивайте обо всем, что вас мучает: о семье, машиностроении, номерах трамвая, о самом себе, возможных землетрясениях, подписки на периодические издания и т. д.

Незаменимые специалисты БОСА отвечают на все добросовестно, честно, в изящной и привлекательной обложке. Экстренные вопросы—каблограммами, диаграммами, эпиграммами и в прочих мерах веса и длины.

ДВА МОМЕНТА ИЗ ЖИЗНИ ВТОРОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Гендерсон показывает свое лицо рабочим массам.

Макдональд смотрит в глаза опасности.

О КОМ НЕ ГОВОРЯТ

На наши телеграфные запросы провинциальным корреспондентам о ком не говорят в их городах, получены следующие срочные ответы:

В Рязани совершенно не говорят о некоем Сене Фитькине, который изобрел пневматическую машину для уничтожения клопов. Конкуренты замалчивают это изобретение, заявляя, что оно—копия динамо-машины.

В Пензе ни о ком и ни о чем не говорят, даже о погоде, а прямо приступают к выпивке. Закусывают разным, а преимущественно треской.

Посылайте запросы в „БОС“! Отвечаем на всякий вопрос!

ЮРИДИЧЕСКАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

Елабуга. Р. С-ту. Может-ли правозаступник арендовать летом фруктовый сад?

Ответ. Смотря по какому кодексу. По уголовному — почти нет, по гражданскому — отчасти.

Чистополь. И. П. В-ну. Нужно-ли специальное разрешение, если я, полгода тому назад...

Ответ. Не вдавайтесь в мельчайшие подробности. Нужно.

Пенза. И. М., С. П., Н. А. и др. Кто может считаться собственником зимней дачи, если на постройку ее собраны деньги, но в виду отсутствия свободной земли и пропажи денег, дача не может быть построена?

Ответ. Вопрос не по существу. На суглинистой почве дачу не строят, а если почва не суглинистая и деньги еще можно вернуть — сообщите отдельным письмом.

Томск. Зое С-кой. Можно-ли рассматривать наем секретаря для домашних услуг и стирки белья, как авторское право?

Ответ. Лучше не считать, хотя вопрос настолько сложен, что сразу на него ответить трудно.

СОВЕТЫ ПО ХОЗЯЙСТВУ

— Как маринуются кабачки?

— Они не маринуются вовсе. Они открываются в 12 ч. дня и закрываются в 3 ч. ночи — эти кабачки.

— С чего воняет рыба? С головы или с хвоста?

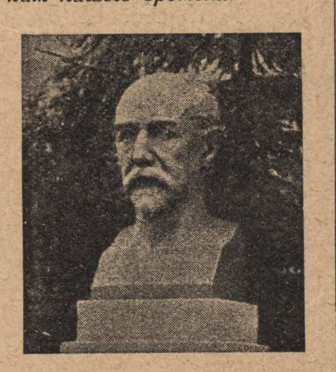
— Ни с того, ни с другого! Рыба с рынка воняет.

— Как скачут блохи, интересуюсь знать?

— Как цены, любопытный!

ПАМЯТНИКИ СТАРИНЫ

Нумидийский ученый Муций Пуций еще в XXII веке до наших дней открывший способ излечения коллективного заболевания сонной болезнью правлений гостеатров. Его гениальная формула 1/2 грамма РКИ, 0,6 г Нарсуда — известна всем медикам нашего времени.

На фотографии памятник Муцию Пуцию при вечернем освещении.

ВЫ СПРАШИВАЕТЕ!

— Как это понять: „Он шепчет ей последнее „прости“?

— Очень просто. Она — народный судья, а он — подсудимый, — уверяет, что больше красть не будет.

— Что такое любовь?

— Любовь — имя героини известной пьесы „Любовь Яровая“.

КАК УСТРОИТЬ СУД НАД ЧЕМ-НИБУДЬ?

„Суды“ или „Диспуты“ организуются так. Заказывается афиша, на которую ставятся имена: Луначарского, Введенского, П. Романова, Маяковского, Вл. Дмитрова и других известных лиц. Спрашивать согласия их — не обязательно. Тема диспута — безразлична, ибо дело не в теме, а в скандале. Устроителям „Диспута“ являться на него не рекомендуется во избежание... самосуда над ним со стороны публики.

ВОПРОСЫ, ЕЩЕ НЕ РАЗРЕШЕННЫЕ БОС'ом.

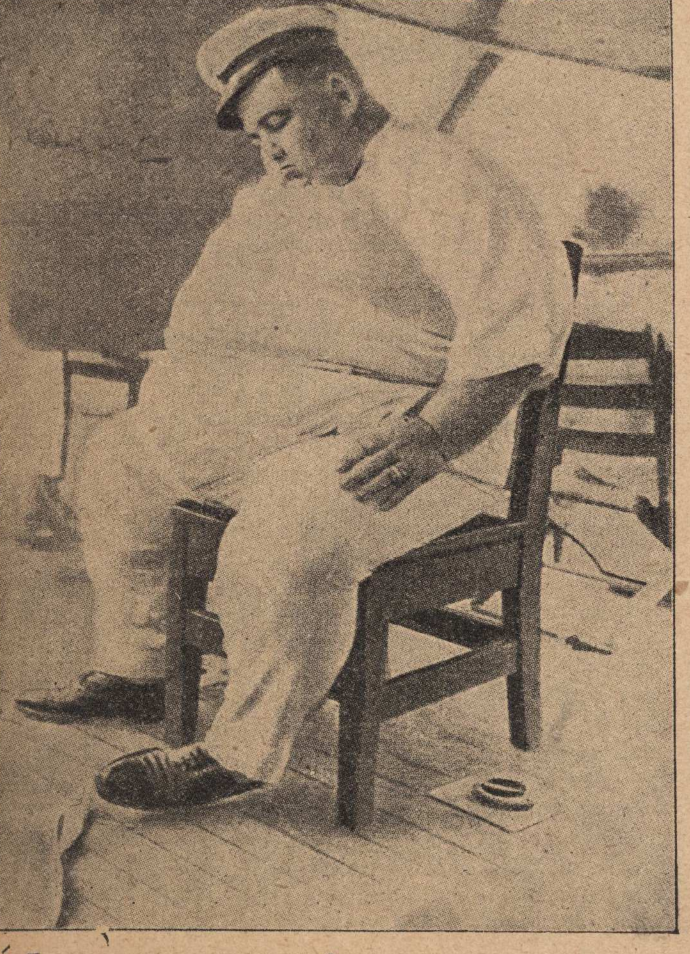
— У какого сапожника шил штиблеты Евгений Онегин?

— Какую жилплощадь занимал дьякон Иван Федоров и фараон Псамметих?

— Какого пола была змея, ужалившая Вещего Олега?

— Когда Бюро погоды перестанет врать?

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

Прилагая этот „снимок с натуры“, вы спрашиваете: какое средство от сонливости является в настоящее время наиболее радикальным.

Отвечаем: принимайте еженедельно 12 страниц „Смехача“ и от 30 до 50 заметок БОС'а. Это навсегда излечит вас от сонливости.

ОТВЕЧАЕМ!!!

На музыкальные вопросы даем ответы лишь по телефону, с сохранением мотивов и темпа. Геологических коллекций не высылаем, обратитесь в ежедневное издание: там все могут. О пароходном движении справки будем выдавать позже: сейчас же рано — пароходы не ходят. Летом, если пойдут — спрашивайте, ответим. Пушкина звали Александром Сергеевичем: если вам сказали — Никандр — это ошибка.

НАУЧНАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ

— Электрификация машинисток в хозяйственных предприятиях дает хорошие результаты.

— Отмечаем блестящее развитие психографологии, т.-е. распознавания характера по почеркам. Это очень простая наука.

Так, например, если под каким-нибудь глупым циркуляром стоит чья-нибудь подпись, по почерку, какой бы он не был, легко узнать, что подписавшийся не умен. Если, например, на фальшивом чеке стоит подделанная подпись — любой даже неопытный психографолог может сразу узнать, что подписавшийся — жулик. Очень легкая наука.

УГОЛОК ФИЛАТЕЛИСТА

Коллекция поддержанных контромарок передается.

До востребования — Пете.

ФЛАКОН-ЧАРОДЕЙ

Флакон с французскими духами, которые могут быть в любой момент вылиты и заменены мышьяком, а выпивший быстро спасается сначала в морге,

а потом в крематории от назойливых вопросов: поедете ли в этом году в Крым?

О ПЕРЕИМЕНОВАНИИ

— Не собираются ли переименовывать наш город Кострому? — пишет один костромич.

— Собираются. И, к сожалению, придется переименовать в г. Глупов... Что же, милый, делать, если у вас там из'яли из библиотек рассказы Л. Н. Толстого, романы Виктора Гюго, Достоевского („Рабочая Газета“).

ДЕТСКИЙ УГОЛОК

ЗАГАДКА. В сапогах, не босой, летит колбасой, не мнется, не гнется, а куда-то рвется, сам-то он глуп, но

только не в клуб и там всегда, спрашивается: куда?

Ответ: В пивную.

ЧАСТНИК И ГОСТОРГОВЛЯ

— Как мне бороться с госторговлей? — спрашивает нас некий частник Осипов.

Только один прием знаем: сократить надпись на вывеске, т.-е. вместо „Торговля Осипова“ сделайте „Осторг“. Может какой балда и попадется на удочку.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Р. С. н. Троицк. Можно ли изменить свое социальное происхождение?

Можно, но не надолго. Поговорите с родителями.

Кате Д. Самара. Чем заполнить досуг после службы?

Досуг—не анкета. Его не так легко заполнить...

Село Мушкино. Пермь. „Меня и группу моих сослуживцев очень интересует вопрос: можно ли действительно получить жалование на дому?“

Пришлите нам поименный список вашего домоуправления — по рассмотрении ответим.

ТЯЖЕЛАЯ ПОБЕДА

Гремков живет в комнате № 73 бывшей гостиницы „Франция", а ныне жилтоварищества „Новый Быт". Комната у него сухая и светлая. Этим летом выбелил ее и оклеил голубенькими обоями. За побелку, оклейку и обои заплачено 23 рубля. Комната хорошая, и Гремков содержит ее в чистоте. На пол не плюет, а — в уголок. Окурки, селедочные хвосты, скорлупу яичную на пол не бросает, а — в уголок.

Ночью, прежде, чем ложиться спать, он подметает комнату. Посредине комнаты стелет газету, становится на края этой газеты ногами и щеткой собирает на нее весь хлам и пыль со всех уголков комнаты. Все это он бережно выносит в помойное ведро, которое стоит на кухне для общего пользования. Так делают все жильцы, за исключением одной особы. Она живет напротив Гремкова в комнате №62. Вот уже второй год пошел, как она просто выметает весь мусор к дверям Гремкова. А мусора у нее в два раза больше: она живет не одна, а с сыном.

По утрам коммунальная уборщица, которая убирает коридор, всегда останавливается у дверей Гремкова и кричит так, как будто ее только что облили бензином и подожгли:

— Руки бы подсохли. Свиньи в хлеву и те так не делают!

Кроме того, что она кричит, она еще стучит в дверь к Гремкову.

— В чем дело? Чего вы шумите?

— Да, еще не шуми. Это кто столько навозу высыпал?

— Это не я, — говорит Гремков. Честное слово, не я, это вот кто — из 62 номера. Она завсегда так.

— Это меня не касается. Я не нанималась узнавать кто, — говорит более тихим голосом уборщица.— Сейчас же уберите.

Гремков нагибается и подметает под зорким контролем уборщицы, которая стоит тут же, как статуя Победы на площади, со шваброй в одной руке и мокрой тряпкой в другой.

— Вон еще пыль у стенки, — командует она.

И Гремков, не смея ее ослушаться, собирает последнюю пыль и нарочно громко говорит, бросая злобный взгляд на дверь 62-го номера:

— Женщина и такая неряха, убирай тут за нее.

Тогда дверь 62-го номера тихо отворяется, и появляется женщина в капоте и мягких туфлях с меховой опушкой. Сложит руки на груди, качает головой и, надувая губы рюмочкой, медленно поет:

— Удивляюсь нахальству... Бросать обвинение... Вы знаете...

— Да чего там бросать.. чего бросать... Это вы. Вы каждый день так... А я за вас убирай и на службу опаздывай... Вот, вот — ваши же волосы...

Он подымает с пола начесы и демонстрирует их с брезгливостью.

— Это вовсе не мои волосы. Мои гораздо темнее и каштаннее.

— А чьи же? Чьи? Ведь я один живу... один.

— Кто вас знает? Может быть, у вас ночуют какие нибудь развратные женщины, — говорит она.

Гремков кричит:

— Сами вы развратная. Гадюка. Чорт бы вас драл...

— Вы не смеете, вы не смеете. Если бы был жив мой муж, которого убили белые во время перестрелки, когда он грудью защищал советскую власть, он вам показал бы, как меня оскорблять.

Гремков знал, что муж ее действительно убит где-то на фронте, и он спешил успокоить ее:

— Да перестаньте же плакать... Да кто вас... Да ведь... Ну, сорвалось... Ну, простите...

* * *

Кроме этих мучений, которые ему доставались от жилицы из № 62, он еще терпел от ее сына. Это был длинноногий рыжий мальчик с приветливыми голубыми глазами. Каждый раз при встрече с Гремковым он нежно смотрел ему в лицо и, улыбаясь, говорил: „Кишечник"! Это глупое слово действовало на Гремкова, как удар кирпичем по затылочной кости.

Но этого мало. Этот сорванец еще натравил на Гремкова остальных ребят, которых было не меньше сотни в этом доме. И иногда они целой стаей, с барабаном и красным флагом впереди, подходили к двери 73 номера и пели: „Раз, два, три — кишечник выходи!"

На Гремкова все это действовало угнетающим образом. Он знал, что надо принять какие-то меры и раз навсегда прекратить эти издевательства, как со стороны матери, так и со стороны сына. Но как? „Чтобы они вместе подохли к завтрашнему утру!" Но это только оставалось пожеланием. И вот третьего дня, когда Гремков уже входил в свою комнату, сзади налетел на него мальчишка с криком: „Кишечник, спасайся!" Гремков размахнулся и стукнул его. Да мало еще, что стукнул,—он поймал его и долго вертел его ненавистные уши, приговаривая: „Вот тебе, негодяй. Вот тебе, негодяй. Будешь?"

Мальчишка вырвался и со страшным ревом кинулся к матери. Мать выбежала, взмахнула трагически руками и:

НА СЕДЬМОМ ГОДУ

Рис. Б. Ефимова

Инвалид Овечкин семь лет добивался получения протезы. *Из речи тов. Орджоникидзе.*

— Ну вот вам записка на получение искусственных рук.
— Но втечение семи лет, что я к вам наведывался, я лишился также и ног.

— Моих детей! Моих детей — бить! Его отец на фронте защищал грудью советскую власть от пули белогвардейцев... Его отец кровь свою... И сейчас сына его какая-то беспартийная... А-а-а...

Она зарыдала.

— Успокойтесь, успокойтесь, — молил Гремков. — Я же его не больно. Я... простите... Я — хотите? куплю ему ружье, монте-кристо, барабан...

— В суд! В суд! — были ее последние слова.

* * *

На следующее утро она мусор к дверям Гремкова не подмела. Мальчик при встрече с ним „кишечником" не назвал, а отвернулся.

— Неужто эта гадюка, действительно, в суд подает? — мрачно подумал Гремков. — Вот еще неприятность. Избиение детей, за это не погладят. Надо будет справиться в домкоме.

В домкоме подтвердили, что действительно жилица из № 62 брала какие-то справки и говорила, что она подает в суд на жильца из № 73 за нанесение побоев ее сыну.

В этот же вечер Гремков постучался в комнату к своим врагам. Мальчика не было дома. Жилица в радио-наушниках сидела за столом и штопала.

— Простите... Хотел бы знать: говорят, вы на меня в суд подали?

— Да. И прошу вас в комнату ко мне не вламываться.

— Простите, но я хотел выяснить...

Гремков ушел. Лег на диван, курил и ругался. О чем он думал в это время — неизвестно. Только он все курил и грозил: „Погоди, запляшешь ты у меня со своим сынком".

Он наваксил свои штиблеты и вычистил их до блеска старой толстовкой. Почти полчайника воды вылил на свою голову и причесал волосы а ла „вперед без страха и сомнения". Оглядел себя в зеркале и, еще раз пробормотав: „Посмотрим", вышел на улицу. На углу в кондитерской, проклиная свою судьбу и всех жильцов на свете, купил шесть пирожных.

Постучал в комнату № 62 и, когда дверь приоткрылась, ни слова не говоря, передал пакет.

Через пять минут, когда он, подглядывая в замочную скважину 62-го номера, увидел, как мать и сын пожирали пирожные, — он с отвращением наблюдал, как губы его врагов ворочались быстрей, чем мясо из электрической мясорубки.

— Обожаю „Наполеон"! — восторгалась мамаша.

* * *

На следующий день, когда Гремков встретился с ней в коридоре, он поклонился и спросил очень деликатно:

— Не хотите ли пойти в кино, у меня есть два билета на второй сеанс?

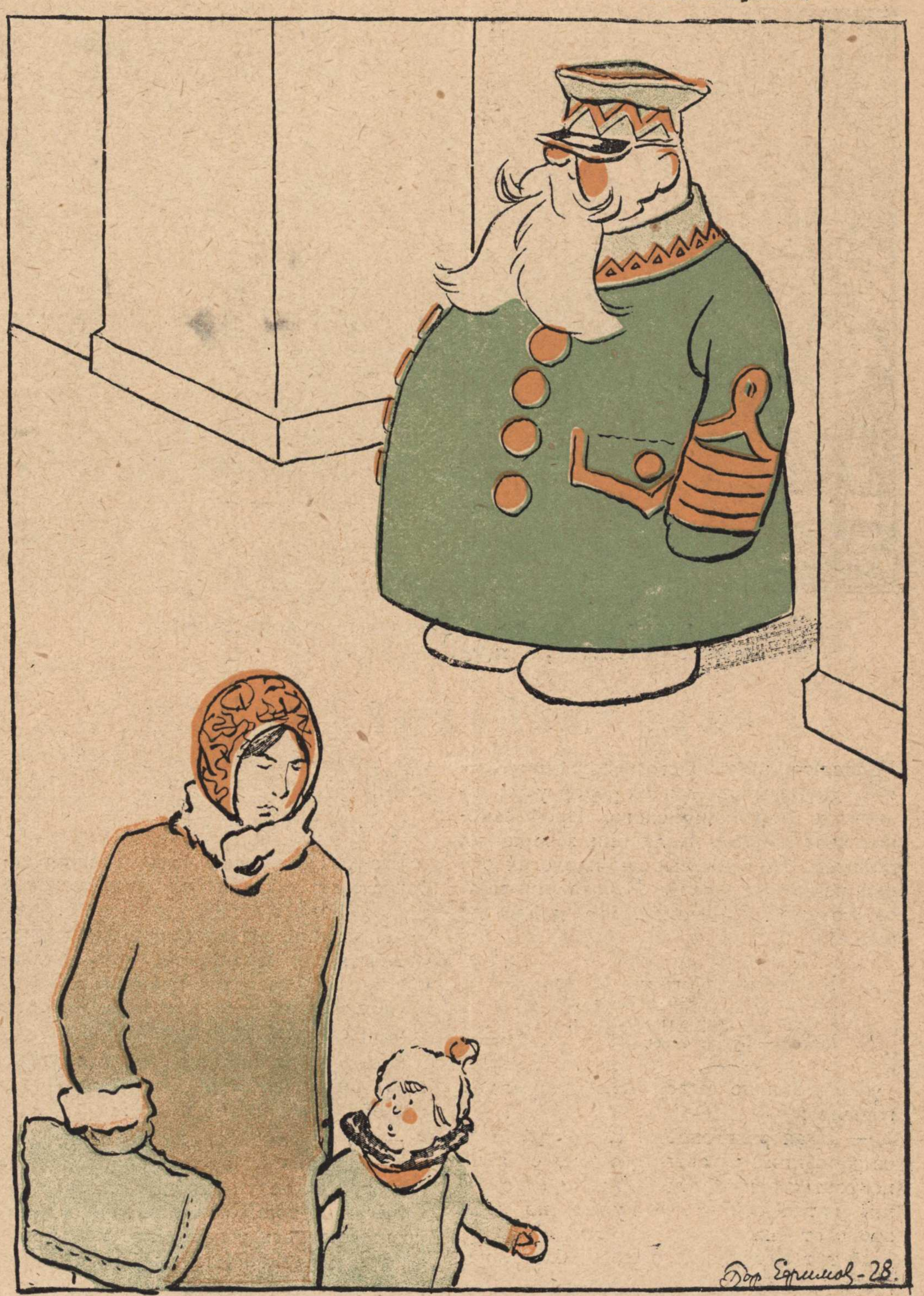
— Я с вами не разговариваю...

— Зря вы на меня сердитесь, честное слово... А то, может быть, пошли бы... Между прочим, у меня материал есть на костюм, я его хочу продать. Так сказать, мои финансы поют романсы, а до получки еще далеко. Хе-хе...

Это он проговорил голосом кутилы и пропойцы.

ПОСЛЕ СТАРОЙ СКАЗКИ...

Рис. Б. Ефимова

— Мамочка, это — царь?

— Мне все равно кому продать, но могу и вам. Очень не дорого. За $2^1/_2$ метра всего 15 рублей. Синий шевиот. Шикарный... Я кому угодно могу продать, но просто так предлагаю вам...

— Можно его у вас сейчас посмотреть? — спросила она строго.

— Пожалуйста...

И они зашли в комнату № 73.

С этого часа все пошло иначе. Через два дня их видели вместе в кинематографе. А в тот день, когда он получил повестку, чтобы явиться в суд, они регистрировались в ЗАГС'е.

— Я думаю так, — говорила она, — в твоей комнате будет у нас столовая и там будет спать Петинька, а в моей комнате — твой кабинет и наша спальня.

— Отлично! — соглашался он...

Через два дня, когда Петенька разбил стакан, он с удовольствием вертел его уши и приговаривал:

— Это тебе за стакан и за все и за все и за все!..

Мамаша спокойно поучала:

— Теперь будешь знать, а то растет беспризорником и никого не боится. Только знает мать раздражать.

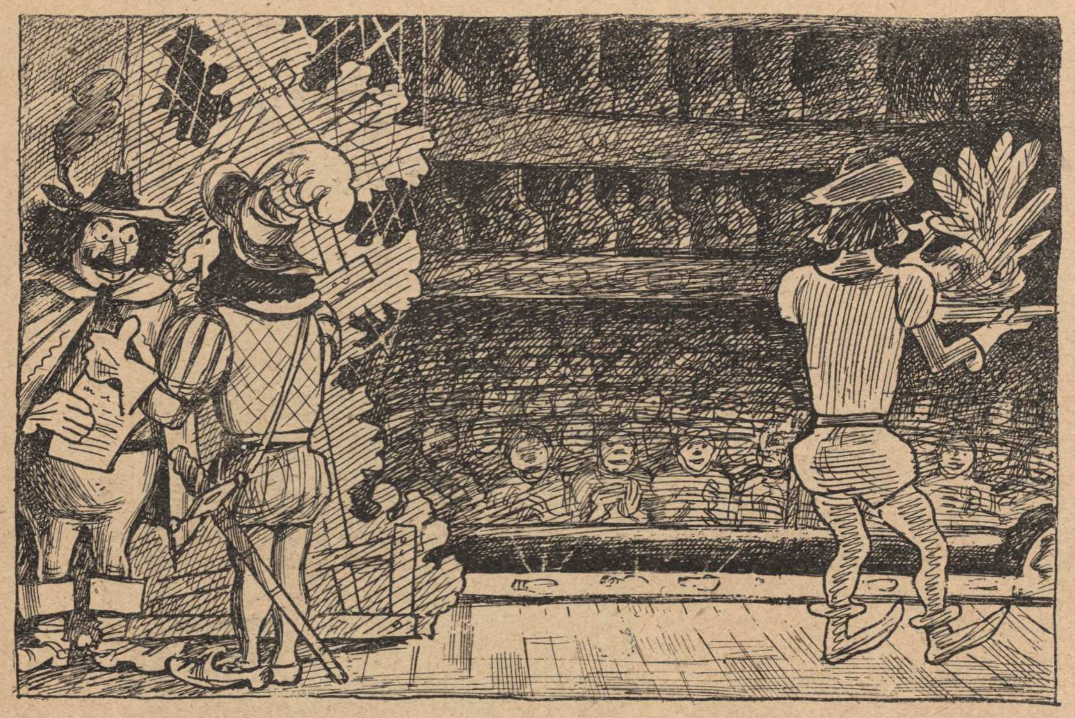
А еще через неделю, когда Гремков неожиданно обругал свою супругу „гадюкой", она только виновато улыбнулась и нежно пропела: „Успокойся, Успокойся, милый. У тебя нервы совсем никуда".

— Нервы? — переспросил он и как-то странно дьявольски улыбнулся. — При чем тут нервы? — крикнул он и стукнул кулаком по столу. — При чем тут нервы, спрашиваю я тебя? Ты лучше ответь мне, почему комната до сих пор не убрана, на комоде пыль и почему ты до сих пор в капоте, не зовешь портного, чтобы сшить мне костюм из моего синего шевиота?

Б. Левин

Рис. Н. Гадлова

НАДЕЖДА ВУЗОВЦЕВ ПИТАЕТ...

— Чего это вдруг раздались единодушные аплодисменты?
— А это актер сказал: „Кушать подано“.

ЗЛОБОДНЕВНЫЙ КУПЛЕТ

Заведующий уездным реперткомом Колдобин просматривал репертуар куплетиста Рай-Райкомского. Профессиональным жестом Колдобин зачеркивал пошлые, неграмотные и идеологически неприемлемые фразы. Работал он молча, почти как автомат. Но дойдя до куплета:

Ультиматум порешили
Лорды нам теперь послать...
Ульти — к делу мы пришили,
Матом — будем отвечать!!!

Колдобин не выдержал и подумал с горечью:

— Экая развязность! И это называется работник искусства. Да ведь с таким искусством знаком любой забор! Конечно, агитка сейчас не нужна, но это... это в сто раз хуже!

И тут Колдобина осенила блестящая мысль:

— А что, если я попробую написать всем этим бездарным пошлякам репертуар? Не впервые ведь придется! Когда-то и в „Современном Мире“ печатался, и в прочих журналах. Но, конечно, это должно быть инкогнито.

Через несколько дней Колдобин написал два монолога и несколько куплетов. Написав, отправил в союз.

А спустя неделю Колдобина вызвали по какому-то срочному делу в губернский политпросвет. Колдобин быстро собрался в путь, а все ведение делами поручил своему помощнику Архипову.

Вернулся Колдобин рано утром в четверг. Прямо с вокзала он поехал на службу. И зайдя в кабинет, Колдобин услышал резкий голос своего помощника. Архипов с пеной у рта говорил какому-то юноше в модном демисезонном пальто:

— Нет! И не просите! Это не репертуар, это даже не стихи! Это мещанская га-ли-ма-тья! Вот возьмите, хотя-бы, это место:

Предзавком доклад свой „краткий“
Целых три часа читал,
И рабочих дремой сладкой
Точно ватой обмотал!

Что-ж? По вашему выходит, что рабочие спят, когда перед ними отчитываются? Или вы намекаете на то, что у нас завкомы не на высоте? А то, может-быть, вы критикуете, что докладчик вместо веселых анекдотов читает слушателям отчет?.. Что вы собственно хотели сказать, товарищ?

Молодой человек краснел и смущался. А выведенный из терпения Архипов обратился к Колдобину:

— Ну как такие перлы не браковать, тов. Колдобин? И это на одиннадцатом году процветает подобное творчество! Отчего вы, тов. Колдобин, никогда не поинтересуетесь узнать, кто им „пописывает“ сей злободневный в кавычках репертуар?

— Да! Гм! Кхе-кхе! — закашлялся заведующий. — Действительно... Нет того... Стыдно...

Кто является автором этого номера, так и не узнали. А тов. Колдобин никогда больше не собирался никому писать репертуара. Он предпочитал, как раньше, браковать чужой...

М. Коварский

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Журнал „Красное Студенчество“ (№ 6) придумал оригинальный способ развешивания белья:

.. словно прачка, по дворам
Белье развешивает вьюга.

От развешивания белья вьюга легко может перейти и к стирке и глажению.

Вьюга благородно откажется от оплаты своего труда и, таким образом, дела у бедных студентов значительно поправятся.

*

У Константина Федина, в книжке „Транвааль“ (Гиз, 1927), есть такое место:

Он подвинулся к мужику вплотную, один глаз у него сощурился, другой наполовину вылез наружу и упершись в бок окаменел...

Тут все непонятно у кого вылез глаз? У того, кто подвинулся к мужику, или у мужика?

Кто из трех, упершись в бок, окаменел: „он“, мужик или глаз?

Почитает бедный читатель такие строки и поневоле „окаменеет“ с „вылезшими наружу глазами“...

*

С. Кирсанов в „Советском Экране“ (№ 26), так начинает свою „Балладу о кино-портном“:

Восхищайтесь сюжетом, любуйтесь
игрою,
Улыбайтесь и плачьте, но лишь —
Лишь не вешайте карточек кино-
героев
На стены своих жилищ!

„Улыбайтесь и плачьте, но лишь!“

Не только кино-портной, которому посвящается баллада, но самый обыкновенный портной, прочитав эту строчку, скажет:

— Плохая строчка!

И прибавит:

— И вообще весь этот кирсановский куплет неладно скроен и слабо сшит!

*

Поэт Окский в журнале „Искорка“ (№ 12) учит грамоте... собак:

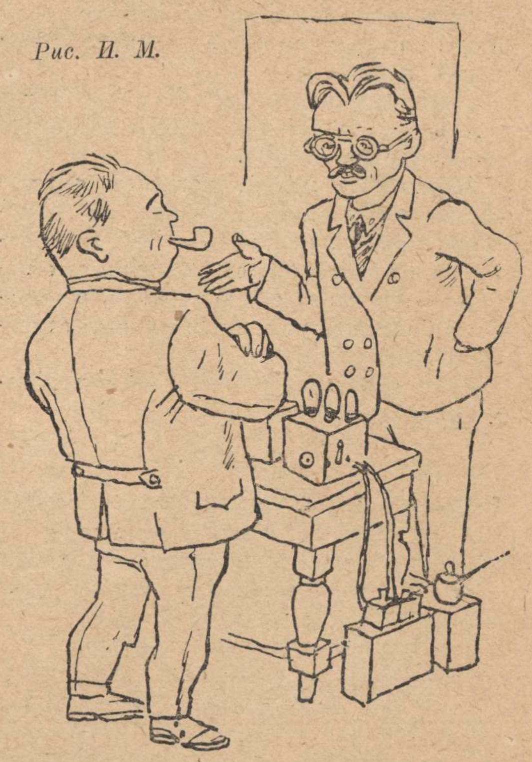
Бойкий мальчик Горане пошел гулять.
Умного Трезора учит он читать:
„Это—до-мик снеж-ный; это—то-по-ры“.
Ученик прилежный повторяет: „ррры“.

„Ррры“, в переводе с собачьего языка на человеческий, значит:

— Ежели ты, Гора, такой „бойкий“,— учил бы ты лучше грамоте... твоих сверстников, а ликвидация безграмотности среди нас, собак,— честно говорю,— дело гиблое!

РАДИО-СПЕЦ

Рис. И. М.

— А вы по радио за границу своим приемником ловите?
— О, да! Вот послушайте: сейчас перерыв из Лондона слышен!

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

СВОЯ РУКА ВЛАДЫКА

Читатель-рабочий прислал нам выписку из „книги вопросов и ответов“ морозовского лесничества.

Вопросы пишут рабочие, ответы — некий администратор Щипачев.

ВОПРОС: „Почему администрация в лице Щипачева для себя выписывает в неограниченном количестве сеянки, а рабочим выписывает известную норму? Или хозяйственники думают, что рабочие не могут приготовить из сеянки и не кушают ее? Рабочий“.

ОТВЕТ: „Своя рука владыка. Щипачев“.

ВОПРОС: „Почему в центральной кладовой мука пахнет керосином?“

ОТВЕТ: „Видимо, рядом с керосином багаж везли. Щипачев“.

ВОПРОС: „Почему не давали твердому штату рабочих мяса в зимний сезон?“

ОТВЕТ: „Это дело прошло. Кто старое помянет, тому глаз вон. Щипачев.“

Щипачевские афоризмы давно украшают книгу... Однако, мы старое помянем, чтобы проверить, кого вышибут после этого вон:

— Глаз „Смехачу“ или самого Щипачева целиком и полностью?

АЛЕША, ША!

Тверская „Смена“ (№ 14) полагает, что стихи — это ряд строк, лишенных всякого смысла и поставленных столбиком:

Сталь —
та бывает хрупкой,
Можно
железо согнуть.

Влезет чахотка... и трубка! —
Ша! Омертвеет грудь.
Думая эти строчки,
Руку любимую сжал...

А мы, „думая эти строчки“, считаем, что само название газеты „Смена“ обязывает прежде всего к смене заведующего литературным отделом... Не то у читателя —

... Ша! Омертвеет мозг!

ТОЖЕ НОМЕР!

— Любите ли вы сжигаться в крематории, а если да, то почему?

— Сколько у вас времени уходит на похороны любимых жен?

— Сколько раз в году вы именинник?

Оказывается, что и таким вопросам удивляться не следует, ибо одна из наших газет приводит следующие строки:

Вот какая анкета предлагалась работникам земли и леса центральным комитетом этого союза.

Сколько времени у вас уходит в день на:

а) умывание и обтирание,
б) чистку платья и обуви,
в) хождение в церковь,
г) моление дома,
д) похороны,
е) именины и т. п.

Остается только к этим вопросам добавить:

— Сколько времени в день у вас отнимают землетрясения?

— Ежедневно ли вы празднуете 17 год рождения?

Тогда и все остальное будет ясно.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Центр Туркмении, Самарканд,—столица великого халифата. В этот город едут ученые и туристы из Лондона и Нью-Йорка.

Такая справка напечатана в № 281 (1599) ленинградской „Красной газеты“.

Здесь не столько достойно удивления, что в Самарканд едут ученые и туристы из Лондона, а то, что в редакцию „Красной газеты“ не забегают время от времени ученики из соседней школы первой ступени для редактирования статей, заключающих исторические и географические сведения.

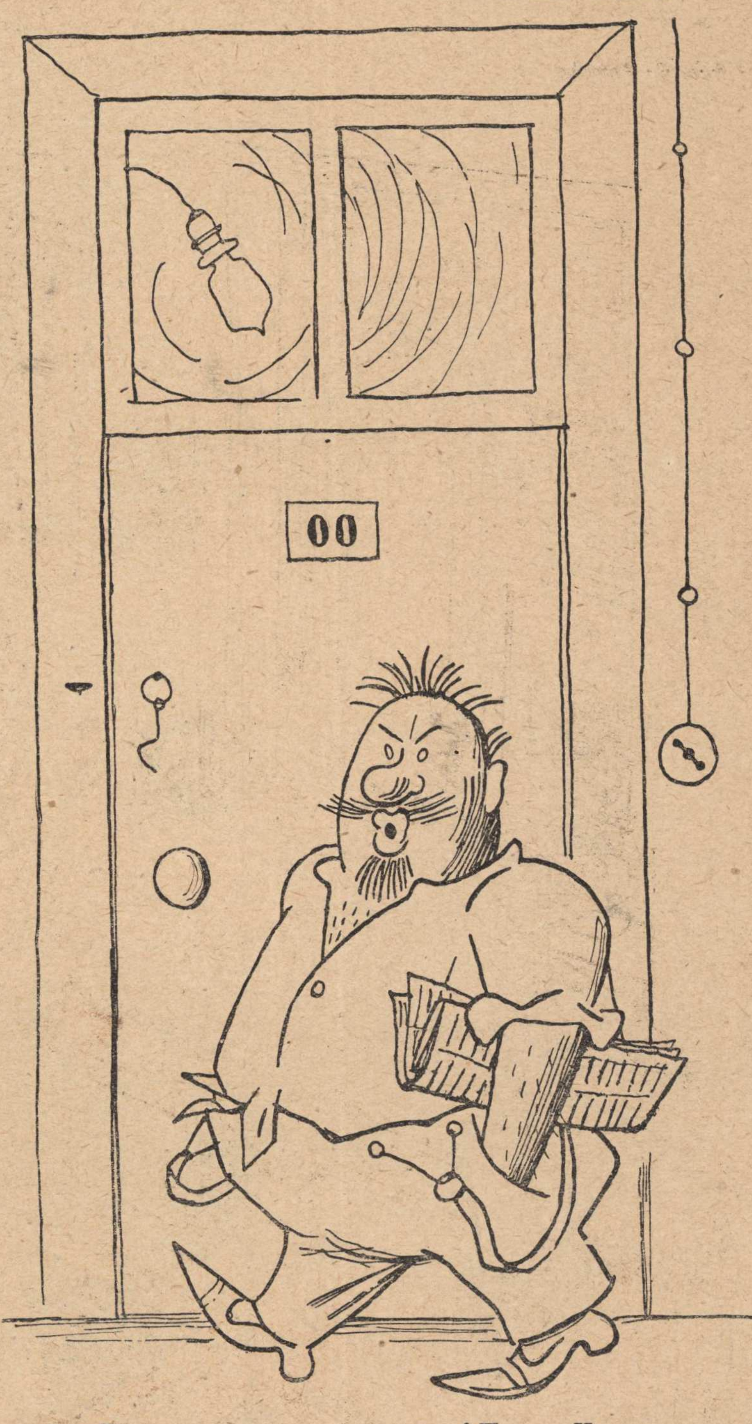
Вот какие досадные опечатки вкрались в одну только строку статьи Мака:

1) Самарканд отнюдь не „центр Туркмении“, а столица Узбекистана. 2) Великий халифат существовал 800 лет тому назад и находился немного южнее, ближе к Багдаду.

Остальные сведения верны.

БАРСКИЕ ЗАМАШКИ

Рис. Б. Малаховского

— **Это... это... чорт знает, что! Павел Иванович там уже полчаса сидит. Кончится это тем, что я вызову его на дуэль!..**

НЕПРИНУЖДЕННЫЕ БЕСЕДЫ

Армавирский „Трудовой путь“ любит беседовать по душам с хлеборобами:

„Полученные зимой семена следует немедленно подготовить к посеву стратификацией..“ (Беседы с хлеборобами по садоводству — „Трудовой путь“, № 291).

Поняли, товарищи-хлеборобы? Стратификация... и больше никаких. Стратифицируйте — только не поперхнитесь, смотрите! — читая армавирского ученого... Да минет вас сия чаша!..

Издатель —„ГУДОК“. Отв. редактор — **И. Н. Пирогов.**

Главлит № А—5817. Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции“ Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 11. Тираж 110.000.

ЗА НОВЫЙ БЫТ

...Герань — на окне, самовар — на столе, двуспальная кровать у стены, — вот идеал мещанина.

Из статьи Н. Семашко в «Рабочей Газете».

Рис. К. Ротова

— Что это вы делаете?!
— Борюсь с признаками мещанства.